

Года – как дождь в оконное стекло. //Года, года – небесная вода...» Окно – один из самых любимых образов Владимира Макаренкова. Оно присутствует в стихах постоянно. Не блоковское высокое и недостижимое «Окно, горящее не от одной зари», не цветаевское, притягивающее таинственной романтичностью: «Крик разлук и встреч – //Ты, окно в ночи!», не бесконечно русское и песенное есенинское: «Над окошком месяц. Под окошком ветер...», не иконописное ключевское: «Может, дойду понемногу //К окнам, где ласковый свет?» – свое собственное окно в собственной комнате, выходящее в родной двор, широко распахнутое солнцу, дождю и ветру. Сколько их – таких окон – в русской поэзии и русской живописи! Открыл его когда-то смоленский мальчишка – свистнул в дразнящее неизвестным пространством родного двора – да так и засмотрелся в поэтическое окно своей жизни: «Слышится приятельское: «Вовка!», //А за ним дворовое: «Макар!», //Будто разряжается двустволка, //Оставляя на сердце нагар». Вот таким «своим парнем», «Вовкой», «Макаром», «жителем нашего двора» Владимир Макаренков приходит к читателям. По детали, по крупице, по строфе он сознательно и вдумчиво пишет ту обыденную при-

вычную жизнь, которую дал ему Бог. Жизнь, во многом похожую на жизнь соседа по двору, одноклассника, попутчика в маршрутке, сослуживца на работе, многих читателей этой книги. Он верен себе и своей судьбе, верен окружающим его людям и точно знает, что все, данное ему в жизни, достойно того, чтобы быть любимым и воспетым. Не такая уж и новая для поэта позиция. Но, если вспомнить слова Паисия Святогорца: «Пусть каждый радуется тому, каким сделал его Творец», – наверное, позиция самая беспримысленная и верная. Макаренков буквально повторяет эти слова, признаваясь, что любит жизнь «За то, что радужные своды //Освещены огнём благим, //За непорочный лик природы //И то, что создан я таким». Верность себе и своей судьбе – сознательный выбор, поэтическое кредо Владимира Макаренкова. Пожалуй, из этого истекают и главные стилистические особенности его лирики. Он – поэт, лепящий свой поэтический мир из повседневных бытовых деталей и возводящий их к поэтическому. Я бы сказала, что ахматовское «Когда б вы знали, из какого сора // Растут стихи, не ведая стыда...» – к В. Макаренкову применимо, да только вряд ли сам Макаренков с его обязательным отношением к данной Богом судьбе согласится

В стихах Макаренкова нет искусственного деления на деревню и город. Он потомок крестьян, живущий в городе, и ни крестьянские корни и разоренную землю, ни живой современный город, в котором течет его жизнь, из его души не вытравить. Он знает за собой такую особенность мировосприятия и сознательно ее отстаивает. Потому валенки в его стихах зачастую соседствуют с фордом: «Рулит красавица – на «Форде» – // Царевна, мол, имей в виду. // А я при всём честном народе // В подшитых валенках иду». В современном, блестящем стеклом и зеркалами супермаркете, где «...Настырно крутят рэп и джаз», поэт, забыв обо всем, обращается к знакомой до слез «Заброшенной бабушке русской, // Ловящей воздух рыбьим ртом? // Торгует квашеной капусткой...» А рядом с бабушкой – еще одна до боли знакомая трагическая фигура современности – крестьянский внук, выросший, скорее всего, где-то в соседнем дворе, инвалид-колясочник «С чеченской пулею в судьбе...» Взгляд поэта неизменно выхватывает из толпы людей, имеющих самое прямое отношение к его собственной судьбе – обездоленных, неприкаянных, выброшенных из разрушенной деревни на городской асфальт, но несущих в себе неизбывную родовую память о земле, говорящие о другой жизни гены предков. Это – «Россия, чуждая себе» – растерянные, потерявшие себя, неуместные на городском асфальте внуки Никиты Моргунка, так и не отыскавшие свою «страну Муравию», бьются об асфальт города. Мирощущение, присущее большинству жителей современных городов. Макаренков делится своей

затаенной мечтой: «Когда бы мог, я бросить все дела, // Навязанные скоростью прогресса, // Смахнув, как крошки хлеба со стола, // В ладонь и не почувствовав их веса! // Я дерзновенно выстроил бы дом, // И обработал брошенное поле, // И дорожил бы каждым бубенцом // Льяным...» Владимир Макаренков из своей судьбы, своей тоской чувствует их неизбывную беду – и понимает свою судьбу как часть общерусской трагедии, неизбежно расширяя жесткие рамки индивидуального.

Тема потерянной деревни неизбежно перетекает в тему потерянной родины. Трагедия длится в пространстве, звучит в воздухе, отражается на лицах окружающих. И старушка, встреченная в маршрутке, как всегда, самое яркое и горькое свидетельство о случившейся беде: «И тут старушка к выходу пошла – // Шажок... другой, как в пелене дремотной. // Осой мне сердце жалость обожгла. // Горбатая... и плащик допотопный». Все тот же простой человек, выброшенный из жизни неумолимым веком и уходящий в прошлое. «Реликтовый советский человек...» – с горечью говорит Макаренков и о случайно встреченной старухе, и о себе, и обо всех нас. Крушение СССР для В. Макаренкова, как и для подавляющего большинства современников – главная трагедия жизни. Сейчас многие бездумно ругают поэтов, обращающихся к данной теме – мол, слишком много стихов об этом написано! Действительно, первыми об одной из величайших катастроф в истории человечества – крушении СССР – свои поэтические молитвы в начале девяностых написали Николай Тряпкин: «За великий Советский Союз! //

За святейшее братство людское!
// О господь! Всеблагой Иисус! //
Воскреси наше счастье земное!»
и Борис Примеров: «Боже, помилуй нас в смутные дни, // Боже, Советскую власть нам верни!» – и их моление было подхвачено практически всеми поэтами. Но значение произошедшей трагедии таково, что одному человеку раскрыть ее не под силу, в русской поэзии она, как и трагедия Великой Отечественной войны, может быть воспета и отражена только всеми голосами – соборным поэтическим хором. И требовать, чтобы прекратили писать стихи о нашей великой разрушенной стране только потому, что их уже написано много, – так же абсурдно, как требовать, чтобы прекратили писать стихи о любви, потому что за историю человечества их уже написали более чем достаточно. «Я думал, что без Родины погибну, // Как брошенный младенец на снегу», – признается русский офицер, защитник Родины Владимир Макаренко, хорошо знающий, что «Издравле на Руси Свобода // Жила под крыльями погон». Тем больнее для него, призванного встать и защитить Родину, – великое поражение во всемирной войне с многоликим, скрывающимся за масками, лгущим, рвущим и рушащим родное невидимым врагом. Для Владимира Макаренко, как и для любого поэта, работающего в русской литературе, тема Родины – камертон, определяющий главную суть творчества. И каким же высоким лирическим накалом потерянной любви, какой неизбывной болью, какими личными нотами кровной потери звучат его на первый взгляд сугубо публицистические строки:

Но в дни,
когда витийствовал воруго,
А голос из народа жгли смолой,
Меня, целуя, блоковская вьюга
Вдаль понесла
над плачущей землёй.

Несла и пела нежно и сурово,
Как нянька, подменяющая мать,
Что Родину,
как праведное слово,
Ни хитростью,
ни силой не отнять.

Разрушенная, отнятая, ушедшая в прошлое Родина следует за поэтом неотступно и может возникнуть в буквальном смысле слова из-под земли: «Копал картошку, выкопал звезду – // Обрубок проржавевшего железа, // Как будто ходовую часть протеза // Страны, которой нет уж на возу // Истории...» Победа в великой войне – попрана, закопана в землю. Но ржавая звезда, попавшая в руки офицера, внука хлебопашца, знающего цену Победе и цену зерну, – глубоко символична. Макаренковская «Звезда Победы» лежит в земле как зерно, которое должно дать всходы. А сам поэт в потерявшем великую Победу мире – «сеятель пустынный» и провозглашенной и проданной Свободы, и отнятой попранной Победы, ибо Победа и Свобода – неразделимы. Но пушкинских сомнений у нашего современника, знающего горечь великого поражения, не возникает: «И в сердце загудел набат святой, // Зовущий к братству, равенству, свободе... // О русском духе и больном народе // Напомнил ржавый символ золотой».

Крестьянский корень в Макаренкове неизбывно силен. Как живо звучит его речь, когда он говорит о том, что в его генах глав-

ное – о крестьянском. «Сплошной ивняк бушует вместо тына, // За ним – травы волнистая река, // В осоке прячет ягоды малина, // Забывшая былого берега...», «С росой уйдёт тревожная дремота, // Забудутся превратности судьбы. // Бескровная осенняя охота, // Шуршу листвою – шагаю по грибу». Дыхание его становится глубоким, речь – спокойной и вольной, шаг – размеренным, он органично и естественно вписывается в шумящие родные пролески. «За стихами еду я за город». Макаренков словно сбрасывает с себя груз повседневности и обыденности – его мир живет, сияет, переливается, свищет на все голоса. Ему мало поэзии – и он стремится выйти за ее пределы, преодолеть ее живой жизнью. И опять в мире давным-давно победившей «железной конницы» мчится по полям тонконогий жеребенок: «Впервые встретив жеребёнка // На пахнущей зерном стерне, // Я не сумел унять ребёнка, // Давно молчавшего во мне». Точное признание: именно вечными глазами ребенка, познающего мир, смотрит Макаренков на утраченное крестьянское:

Одoleвало нетерпенье
К себе по имени позвать,
За шею чудное творенье
Обнять и в лоб поцеловать.

С испугу глупый недотрога
Меня свалил,
лягнувши в грудь...
Перетерпел обид я много,
А эту вспомню – не вздохнуть.

Человек современный и деятельный, дали нового века и горизонты творческого пространства Владимир Макаренков осваивает

упорно. Подчас заблуждается вместе со своим поколением, разочаровывается, осознает собственные ошибки: «Вот и отболели мы «Битлами», // Распознали в смыслах муляжи, – // Мальчики с гривастыми патлами, // Вызревшие к старости мужи...» Но речь тут не только о заблуждениях юности – о неустанных исканиях и находках – тоже. В нашей быстротекущей жизни с ее спешкой, стрессами, вечными информационными и житейскими перегрузками у многих возникает желание целостности восприятия и синкретизма в творчестве. Макаренкову близка идея синтеза искусств, и он склонен работать на какой-то их грани. Привлекает его живопись – один из разделов книги посвящен памяти художника Владимира Ельчанинова, стихи написаны по его живописным полотнам. Другой раздел книги – песни. Макаренков пишет не только поэтические тексты, но и музыку. Явно звенит в нем смоленский песенный ген гениального Михаила Исаковского – и некоторые его песни, как «Травушка-муравушка», написаны в фольклорном ключе. Весьма успешно, на мой взгляд, Владимир Макаренков старается заполнить пустующую сейчас «экологическую нишу» советской песни – занимали эти песни в жизни народа огромное место, да вот перестали их писать. Самая большая его удача – многим любимая и приобретающая все большую популярность песня «Русское сердце» с простыми, вовремя сказанными и глубоко волнующими любое русское сердце словами. Песня о не знающем покоя и ищущем правды русском сердце – пожалуй, и есть закономерный ответ зрелости увлечениям юности.

В этой книге собраны самые разные стихи. И все же по строю своей души Владимир Макаренков прежде всего лирик. И в лирическое пространство его стихов то залетает городской снежок Владимира Соколова, то заглядывает «Звезда полей» Николая Рубцова, то в нем отчетливо звучат лирические философские ноты Тютчева и Фета, но струну свою поэт неизменно настраивает на лирический лад: «Мороз за метелью вдогонку // Пускается в зимней игре. // Мальчишка целует девчонку, // Как будто апрель на дворе»; «В карманы наспех спрячу рукавицы, // Слеплю снежок и в небо запущу. // Крутитесь звонче, солнечные спицы, // Я за тепло морозный день люблю!» Житель Смоленска, он во многом следует традициям смоленской поэзии. Пожалуй, ни у кого из современных поэтов нет такого количества стихов, посвященных смоленским классикам – Исаковскому, Твардовскому и Рыленкову, как у Макаренкова.

Ну и еще, конечно же, вечное желание любить, ибо «Только влюбленный имеет право на звание Человека» (А. Болк). Думаю, что сам Владимир Макаренков хорошо знает за собой эту черту и хранит тихую лирическую любовь и грусть как нечто самое важное в жизни, ведь тяга к любви, жизнь по компасу любви и делает из обычного человека поэта. Потому и возникает в распахнутом поэтическом окне В. Макаренкова вечная примета современного города – чета целующихся и воркующих голубей, как и все в книге, написанная с натуры. Голубок воркует над голубкой... «Вертит распушённую головкой, // Приподнявшись в полный птичий рост. // А голубка, будто ей неловко, // То

опустит, то поднимет хвост». И, как всегда, от конкретной подсмотренной картинке поэт поднимается к лирическому, взлетает над землей в свободном выраже голубиного полета:

Милая, а разве мы не птицы,
Улетающие в райский сад?

Помнишь,

как досталось пожениться

Тридцать долгих лет

тому назад?

Любовная лирика Макаренкова – светлая, по-юношески живая, трепетная, обращена к жене – что вообще в поэзии, а в современной поэзии и подавно – большая редкость. Читая его стихи, не скажешь, что хранит свое чувство поэт тридцать лет – так живы его слова, сочны детали, по-юношески трепетно и свежо восприятие происходящего. В любовной лирике Макаренков открыт, порой – беспощаден к себе. Он пишет простую земную любовь с неурядицами, ссорами, обидами, размолвками: «Я пролил слёзы женщины своей...»; «Сколько раз бывал я виноват // В непростительно нелепых ссорах...», но каждая сиюминутная размолвка заканчивается у него солнечными, звенящими, непобедимо радостными стихами – гимном вечной молодой любви: «Слушай! Слышишь, колокольцы?.. // Это мартовское солнце! // По весне и свет звенит. // Заливает свет округу // И возносит жизнь по кругу // Прямо в солнечный зенит».

«От мира земного мне надо немного: // Творящего слова извечного Бога. // Но больше всего, как дыханье, мне надо // Сиянье родного счастливого взгляда», – признается поэт в одном из своих самых удачных лирических стихотворе-

